

Сож. Когда пришли в Климовичский лес, там были партизаны из других деревень. В это время и был организован отряд «Чапай».

Мы готовились к переходу линии фронта. Заготовливали продукты, отбивались от карателей, а главное – вели разведку.

Осенью 1942 г. отряд «Чапай» и десантная группа «Кочубей» вышли в путь для перехода линии фронта... Мы вышли на Большую землю в Смоленской области, Ильинский р-н, около города Ильино.

На Большой земле отряд прошел проверку и сортировку.

Я, Раковский Игорь, Давыденко Семен, Давыденко Жорж попали в диверсионную школу... В школе мы учились два или три месяца, а в декабре нас разбили по отрядам.

Я, Давыденко Семен, Давыденко Жорж, Ваня (фамилию забыл) и Виктор из Витебской области (фамилию не знал) попали в одну группу под командованием Давыденко Семена и были направлены с заданием в Кричевский район для организации партизанского отряда в треугольнике железных дорог Кричев—Могилев—Орша.

Раковский Игорь попал в партизанский отряд, кажется, Шляхтунова, но переходили линию фронта мы вместе, по озеру Сенницкое, а затем на оккупированной немцами территории наша группа из 5 человек ушла из Могилева, а отряд Шляхтунова – в другое место, как я слышал, в Западную Беларусь.

*Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь.
Ф. 1393. Воп. 1. Спр. 23. Л. 117–121.*

Падрыхтавала да друку Л.У. Ляховіч.

З успамінаў А.П. Крупадзёравай, маці А.М. Крупадзёрава

...Когда арестовали Толю, то пришел начальник карательного отряда Иосенко и черный полицейский Семенов. Они сказали, чтобы я отдала пулемет. Я сказала, что пулемета нет, хотя знала, что пулемет был на чердаке возле комина. Мы с сыном Иваном спрятали его в картошке сразу после ареста Толи. Тогда меня поставили к стенке дома и нача-

ли стрелять из пулемета. Носенко кричал: «Что ты, старая падла, брешешь. Мы Ивана Брыкова три раза так били, что он сказал про пулемет и что он его с твоим сыном чистил».

Били очень крепко меня. Потом начали грабить. Забрали все. Потом снова ставили к стенке: «Становись, сука, к стенке, воспитала партизан». И снова стреляли по мне Семенов и Носенко. Носенко взял мой очень хороший большой платок и сказал: «Это, господин Семенов, хороший платок вашей жене». Семенов ответил: «Не прибирайте своих жен в чужие платки – плохая примета».

В тюрьме ребят на допросы водили, а оттуда зверски избитых тянули назад. В тюрьме к полицая Лядову без самогонки не подойдешь, передачу не возьмет. Да и Носенко, когда искал у нас пулемет Дегтярева, нашел куриные яйца и тоже закричал: «Давай, старая падла, соль». А у меня и без него было дома девять беженцев из Вязьмы.

Ребята готовили побег из тюрьмы. Им помогал следователь, он был из Пропойска, но слова не сдержал. У нас в Коренце тогда царил полинейская банда Цуриковых, ничего не достать было. Собирала я на болоте ягоды, продам их, куплю хлеба и несую Толе в тюрьму.

На мосту и возле тюрьмы полицейские всегда кричали: «Что ты партизанам еду носишь в тюрьму». У Романа из Полошково родственник был бургомистр деревни и он сказал, что ребят расстреляли не в Климовичах... Про наш пулемет я сказала партизанам...

З успамінаў П.В. Недасека, жонкі І.П. Брыкава

...Однажды муж в 1942 г. попросил меня пойти в Каменку и взять с собой ваты, бинтов, марганцовки, стрептоцида и марли. Я не хотела идти, а он мне говорит: «Идем, сегодня уйдет твой брат Миша с партизанами» (он не вернулся, погиб в партизанах). Муж говорит: «Партизаны придут за полицейскими». С ними были Свистунов Леон